

указанной, на Патрэйском городище не найдено ни в раскопках, ни в случайных находках. Однако это не доказывает еще прекращения существования поселения в средние века. В средневековых слоях Патрэя имеются ослатки многочисленных хозяйственных построек⁷. Но никаких указаний на денежное обращение там нет. Думается, что это свидетельствует о натурализации хозяйства Патрэя в эпоху средневековья и о превращении его из ремесленно-торгового в сельское поселение.

Ю. Крушкова

У ИСТОКОВ ДРЕВНЕРИМСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Последние годы принесли ряд работ, стремящихся подвести некоторые итоги изучению начальной поры древнего Рима. Работы эти отмечают определенные сдвиги как в области древнеримской археологии, так и в области изучения письменной традиции. В нашей литературе довольно давно уже не подводились итоги ни тому, что мы сами делаем в области изучения древнейшего Рима, ни тому, как мы оцениваем сделанное в этом направлении за рубежом. Настоящая статья стремится представить читателю материал именно в этом аспекте.

Начальный период истории Рима — эпоха царей — занимает в науке о древности особое место и издавна привлекает к себе внимание историков.

Изучение его долгое время основывалось почти исключительно на легендарной традиции, изложенной у Ливия, Дионисия Галикарнасского, Варрона, Сервия и Плутарха. На оценке этой традиции, на ее критике выросла современная школа древнеримской историографии. Начав с ее отрицания (Нибур, Швейглер и многие другие историки XIX в.), перейдя затем к ее частичной реабилитации посредством выявления иносказаний, редуPLICATION и т. п. (Моммзен, Иве, Паис), она пришла, наконец, к выводу о позднейшем возникновении и политически-тенденциозном значении легенд о начале Рима (Де Санктис, Белох и др.). Особенно остро эта тенденция сказывается в некоторых новейших работах.

Но наряду с изощренной критикой, проникнутой в общем отрицательным отношением к традиции, в недрах науки шла и другая, весьма кропотливая работа, заключающаяся в розысках нового фактического материала, могущего быть использованным для критики и объяснения традиции. Данные эти черпались из области археологии, языкознания и истории религии. Обширные раскопки, производившиеся за последние десятилетия в Риме и других местах Италии, сравнительное изучение древнеиталийских диалектов, в том числе и в особенности этрусского, открытие доиндоевропейского этапа языкового развития и установление его реальных следов в Средиземноморье, наконец, некоторые результаты изучения древнейших италийских культов — все это позволяет проникнуть глубже в историю возникновения италийских племен к началу их культуры и государственности. Эти новые данные представляют материал для проверки и оценки традиции, открывая новые пути для ее дальнейшего изучения.

Энгельс, как известно, рассматривал римское общество эпохи царей как военную демократию, возникшую в результате разложения патриархально-родового строя. Новейшие данные подтверждают его взгляды, изложенные в гл. VI «Происхождения

⁷ А. С. Башкиров, Отчет об историко-археологических изысканиях на Таманском полуострове летом 1948 г., Моск. гор. пед. ин-т им. В. П. Потемкина, «Уч. зап.», т. XIII, вып. 2, Кафедра древней истории, М., 1949, стр. 147—148.

семьи, частной собственности и государства», и настоятельно требуют дальнейшего изучения материала для их подкрепления и развития.

Лаций был заселен с древнейших времен. Об этом свидетельствуют спорадические находки палеолитических и неолитических орудий, следов поселений и погребений эпохи бронзы, в пещерах и на открытых местах¹. Однако в эпоху общинно-родового быта, связанного с охотой и скотоводством значительно более, чем с земледелием, население Лация, судя по этим находкам, было весьма невелико. Очаги культуры находились в это время на севере Италии, в долине реки По и на юге ее, в Апулии и южном Пицене (долина р. Вибраты). Значительно более интенсивное заселение берегов р. Тибра относится ко времени на рубеже II—I тысячелетий до н. э. Оно связано с развитием земледелия и возникновением культуры Вилланова, характеризующейся всеми признаками начавшегося распада общинно-родового строя². Появляются явные следы имущественного неравенства, индивидуализируются жилища и некрополь, интенсифицируются торговля и военная техника, возникает прослеживающееся по погребальному ритуалу патриархальное рабство³.

На основе культуры Вилланова сложились и развились резко отличные друг от друга племенные образования, исторические судьбы которых оказались также совершенно различными: этруски, латины, умбры и некоторые другие, более мелкие племена, быстро поглощенные названными выше и оставившие по себе незначительные археологические следы. Этнические и культурные различия между этрусками, латинами, умбрами, самнитами исторических времен объясняются прежде всего тем, что племена эти возникли в результате скрещения северо- и южноиталийских культурно-этнических элементов, произошедшего вследствие распространения по Италии культуры Вилланова и расселения ее носителей по полуострову. Классическая культура Вилланова, известная по поселению и некрополю древней Болоньи, связана с обрядом трупосожжения, доминирующим и в среднеиталийских некрополях этой культуры (например, в древнейшем из подобных могильников южной Этрурии — Тольфа-Аллюмьере и в Альбанском могильнике Лация).

В то же время культура эпохи раннего железа, развившаяся в южной половине Апеннинского полуострова, во многом близкая культуре Вилланова, но имеющая и свои характерные черты, связана с обрядом трупоположения, когда-то — в эпоху ранней бронзы — всецело господствовавшим на полуострове. Так как обряд трупосожжения появился впервые на северноиталийских террамарах, родственных культуре альпийских и среднеевропейских свайных построек, было решено, что обряд этот, вместе со всей культурой и ее носителями, проник в Италию с континента. Там же, где наблюдается смешение различных обрядов погребения, всякий раз хотят видеть соединение различных этнических элементов, ибо погребальный ритуал считается одним из наиболее ценных и консервативных культурных явлений.

Это, однако, и так и не так. Во-первых, обряд трупосожжения, возникая в разных местах при специфически местных условиях, распространялся также и в результате культурного заимствования, например, там, куда его вместе с собой привозили греки. Во-вторых, на протяжении истории античных некрополей можно проследить несколько периодов увеличения или уменьшения распространения кремации, во всяком случае, оба обряда существуют одновременно и нередко в однородной культурно-этнической среде.

Поэтому далеко не всегда происхождение нового обряда погребения следует связывать с миграцией или даже с заимствованием, но только в тех случаях, когда про-

¹ L. N o m o, *L'Italie primitive*, P., 1925, стр. 84 сл.; F. D u h n, *Italische Gräberkunde*, т. I, Heidelb., 1924, стр. 30 сл.

² A. G r e n i e r, *Bologne villanovienne et étrusque*, P., 1912, стр. 78 сл.

³ O. M o n t e l i u s, *Civilization primitive en Italie*, т. I, Stockh.—Berl., 1899, стр. 407 сл. Cp. P. D u c a t i, *Storia di Bologna*, I, Bol., 1928, стр. 69 сл. (§ 8); M. M a y e r, *Alt-Italiker auf der Südwanderung*, «Klio», XXV, 1932, Heft 3, стр. 385 сл.

никновение новых, чуждых местной культуре черт подтверждается всем комплексом данных материальной культуры и языка, как это с несомненностью установлено для Италии в отношении иллирийских (северо-западнобалканских) культурно-этнических элементов, проникавших на Апеннинский полуостров и сухим путем, с севера, в виде культуры венетов, и через Адриатику, с востока и юга, в виде культуры япигов⁴.

Следы такого же рода культурно-этнических проникновений и влияний дают себя чувствовать и в средней Италии: выражаются они в появлении культурных явлений (керамических форм и орнаментов, металлических изделий и т. д.), особенно характерных для территории сабинян и других сабелльских племен в Лации и в южной Этрурии, и, наоборот, явления, характерные для территории к северу от Тибра, встречаются на юге от него. Некоторые подробности этого будут сообщены ниже. Сейчас же хотелось бы указать лишь на то, что, очевидно, этнические и культурные различия родственных между собой италийских племен определялись той пропорцией разнородных элементов, в которой происходили отмеченные только что процессы скрещивания.

На месте древнего Рима, на Палатинском и Эсквилинском холмах, раскопками девятисотых годов и непрерывно умножавшимся с тех пор археологическим материалом установлен факт относительной справедливости римской хронологической традиции. Дата основания Рима, переданная Ливием и Варроном, возникшая в результате замысловатых расчетов, понадобившихся для согласования легендарных дат альбанской и латинской династий с датой Тройнской войны, — дата эта, относящая возникновение Рима к середине VIII в. до н. э. (с незначительными колебаниями), оказывается приблизительно правильной. Древнейшие погребения, открытые на римском форуме и на склонах Эсквилина в 1907 г., также должны быть отнесены к VIII, самое раннее к концу IX в. до н. э.⁵ Небольшое количество открытых в Риме древнейших погребений, исчисляющихся всего лишь немногими десятками, должно предостеречь от каких-либо чересчур смелых обобщений и категорических заключений. Однако некоторые бесспорные выводы могут быть сделаны и на основании этого небольшого материала.

Древнейшие погребения на территории Рима — это трупосожжения, по обряду и инвентарю аналогичные могилам Альбанского некрополя. Это родство римских трупосожжений с могилами Альбы Лонги заставляет отнести, наконец, с доверием к отвергавшейся, вместе с легендой об Энее, традиции об основании Рима из Альбы Лонги. Хотя хронологический приоритет Альбанского могильника и нельзя считать доказанным, но то обстоятельство, что в Альбанских горах открыто несколько значительных могильников (Grottaferrata, Castel Gandolfo, Monte Crescenzo и др.), с большим количеством в разное время исследованных могил, а также большое количество случайных находок, происходящих не только из некрополей, но и из поселений, указывает на господствующее значение Альбы Лонги в Лации в то время, когда на месте Рима могло существовать лишь весьма незначительное поселение⁶.

Культура некрополей Альбанских гор и древнего Рима чрезвычайно близка культуре, представленной расположенными по ту сторону р. Тибра огромными этрусскими некрополями Тольфа-Аллюмьере, содержащими в своих древнейших частях погребения,

⁴ P. K r e t s c h m e r, *Einleitung in der Geschichte der griechischen Sprache*, Gött., 1896, стр. 272; M. M a y e r, *Apulien vor und während der Hellenisierung*, Leipz. u. Berl., 1914, стр. 20 сл.

⁵ P. D u c a t i, *Come naque Roma*, Roma, 1939, стр. 148; Э. Гьерстад (E. Gjerstad, *Early Rome*, II, *The Tombs*, Lund, 1956), в результате производившихся им контрольных раскопок на римском форуме в 1950 г. и пересмотра всего материала, в значительной части не опубликованного, из старых раскопок Бони, приходит к выводу, что могилы должны быть датированы от середины VIII в. до н. э. Но поскольку датирующий материал (импортная и местная протокоринфская и геометрическая керамика, буккеры и т. п.) не поддается датировкам столь же точным, как более поздняя греческая керамика, возможны и несколько более ранние начальные даты.

⁶ F. D u h n, *Italische Gräberkunde*, т. I, стр. 391 сл.; ср. A. V. G e r k a n, *Zur Frühgeschichte Roms*, RMfPh, NF, т. 10, 1957, Heft 1, стр. 82 сл.

аналогичные могилам древней Болоњи, представляющим культуру Вилланова в ее классической форме⁷. Однако как культура Тольфа-Аллюмьере по отношению к Болоње, так и культура древнейшего Лация по отношению к культуре южной Этрурии с самых ранних этапов, прослеживающихся по находкам в названных выше могильниках, обнаруживают черты известного своеобразия, некоторые местные особенности по сравнению с классической культурой Вилланова.

Местные черты среднеиталийских очагов культуры Вилланова определяются прежде всего тем, что некрополи являются большей частью смешанными по способу погребения. Это уже наблюдается на территории Этрурии, где, однако, преобладают трупосожжения. В земле же фалисков, в Лации и в земле вольсков, при наличии значительного процента трупосожжений, уже в древнейшую эпоху преобладают трупоположения, судя по некоторым материальным признакам этого обряда, привнесенные из той части Италии, которая в историческое время была заселена сабелльскими племенами⁸. Местные особенности культуры Вилланова в Фалериях и в Лации обозначаются с древнейших ступеней ее развития также и в керамике, в особенности в ее отделке и орнаментике: в Лации — это своеобразные формы ручек, преобладание формы открытых сосудов, специфический характер глины; в Фалериях — своеобразная красноватая облицовка (ангоба) сосудов и особая процарапанная орнаментация из спиральных завитков — особенность, возникшая в Фалериях и распространившаяся в Лаций и в южную Этрурию⁹. Поэтому, если в образовании италийских племенных культур имело большое значение стороннее влияние и этническое скрещивание, то не меньшее значение приобретает элемент местного развития, накладывавший на каждую отдельную культуру, чуть ли не с самого момента ее зарождения, специфически-местный отпечаток, прослеживающийся в Этрурии, у умбров, у фалисков и латинян с древнейших этапов развития культуры Вилланова. Некоторые черты этих местных племенных культур были настолько жизнеспособны и цепки, что продолжали давать себя чувствовать даже под действовавшим столетия могучим нивелирующим влиянием Рима.

Жизнеспособные и деятельные носители культуры Вилланова по тем или иным причинам (перенаселение, недостаток продовольствия, эпидемии) часто снимались с места и расселялись по Италии. Смешиваясь с коренным населением на новых местах, они образовывали новые племена. Таким путем, уже при полном свете истории произошло образование племени самнитов на территории Самния, а также, в результате проникновения сабелльских элементов в южную Италию, лукан, апулов и мамертинцев¹⁰. Пониманию процесса италийского этногенеза очень помогает широко распространенная в древности легенда о происхождении некоторых средне- и южноиталийских племен в результате исполнения обычая «священной весны» (*ver sacrum*)¹¹. Обычай, или, вернее, религиозный обряд *ver sacrum*, происходит из культовой магии плодородия и связан с именем одного из популярнейших италийских божеств плодородия — Марса. Обряд состоял в том, что то или иное племя (или род) посвящало своей годовой приплод

⁷ Одной из таких наиболее древних особенностей латинской культуры, в отличие от культуры южной Этрурии, Мерпрайт (G. M e r h a r t, *Donauländische Beziehungen der früheisenzeitlichen Kulturen Mittelitaliens*, «Bonner Jahrbücher», 1942, стр. 52 сл.) считает керамику с орнаментом *a reticulato*, впервые засвидетельствованную комплексом, относящимся еще к эпохе поздней бронзы в Берторине близ Фори, в Кампании. Ср. К. К о м м е г, *Zur Frühgeschichte Roms*, «Mitteilungen der Prähistorischen Kommission Österreichischen Akademie der Wissenschaft.», VI, 1952—1953, стр. 149 сл.

⁸ D u h n, ук. соч., стр. 458 сл.; J. S e o t t, *Early Roman Tradition in the Light of Archaeology* (Mem. Am. Ac. in Rome, VII), стр. 38 сл.

⁹ *Papers and Monographs of the Am. Ac. in Rome*, т. V (1925), стр. 12 сл.

¹⁰ Th. M o m m s e n, *Die Unteritalischen Dialecte*, Lpz., 1850, стр. 109 сл.

¹¹ Всего подробней описан у Дионисия Галикарнасского (D i o n. H a l i c., I, 16).

Марсу. Когда это поколение подрастало, оно должно было идти на поиски новых мест поселения. Путь им указывало само божество. С легендой о *ver sacrum* связаны предания о происхождении многих италийских племен, в наименовании которых звучит имя Марса (марсы, маррудины, мамертины) или его священных животных: волка, дятла, быка (гирины, пиценты, луканы)¹². Во исполнение обета *ver sacrum* произошли, по преданию, выселившиеся из сабинской Реаты и поселившиеся на территории Рима *sacraei*. Подобное же предание в несколько завуалированном виде сквозит в легенде об основании Лавиния Энеем, по указанию посланной ему божеством в путеводители поросой свиньи. И если правильны археологические соображения, указывающие путь носителей культуры Вилланова из Тольфа-Аллюмере через Тибр к Альбанским горам и оттуда на холмы Рима, то несомненно, что и в данном случае мы имеем дело с аналогичным процессом расселения и скрещивания местных и пришлых культурно-этнических элементов, приведших к образованию латинского племени. О соответствии обычая *ver sacrum* исторической действительности свидетельствует до известной степени позднейшая римская колонизация. Выведение колоний на завоеванные территории связано было с определенными правилами и религиозными церемониями, несомненно, перекликавшимися с древнейшими религиозными обрядами, принятыми при освоении новых мест поселения быстро размножавшимися и расселявшимся племенами¹³.

Следы древнейших латинских поселений и могильники с трупосожжениями и трупоположениями обнаружены, кроме Альбанских гор и римских холмов, близ Лавиния, Веллетри, Норбы, Сатрикума, в Габниях, в Пренесте и других пунктах Лация. На расселение жителей этих мест с Альбанских гор указывает, может быть, помимо археологических признаков, предание о «латинской лиге» с древнейшим общим культовым центром в Альбе Лонге и с общеплеменными святилищами латинского Юпитера в Альбе и Венеры Эрицины между Лавинием и Ардеей (Strabo, V, 3,5). О первоначальной слабости племенных связей свидетельствует то обстоятельство, что собрания латинян у храма Юпитера Латинарис не имели, видимо, никакого иного значения, кроме культового, как поклонение общему божеству и воспоминание об общем месте происхождения. Лишь значительно позже, в VI в. до н. э., в эпоху борьбы с Римом и этрусками, латинская лига, с центром в Ариции, выступает на политическую арену как действительный фактор¹⁴.

Рим, по преданию, переданному Ливием (I,6), начался на Палатинском холме. Древность и первоначальность палатинского поселения по отношению к другим холмам города Рима подтверждается возрастом древнейших погребений на форуме, соответствующих по времени погребениям Альбанского могильника. Лишь несколько позже возникли поселения на Квиринале и Эсквилине, холме, отделенном от Палатина небольшой возвышенностью Веллии и низменной и заболоченной в древности территорией позднейшего форума, служившей для обоих поселений общим некрополем.

Ряд легенд, в частности, легенда о совместном правлении царей Ромула и Тита Тация, повествует об участии сабинского этнического элемента в создании латинского племени и прежде всего древнейшего поселения на территории Рима. Некоторые известные историки (из более новых Ю. Белох, ук. соч., стр. 205) склонны отрицать историческое значение этих легенд, несмотря на то, что оно все более и более подтверждается как археологией, так и лингвистикой и историей культуры.

Помимо тех общих соображений, которые были высказаны выше по поводу местных элементов, участвовавших в создании латинского племени, представленных прежде

¹² О легенде и о культовом значении *ver sacrum* см. G. H e r m a n s e n, Studien über den italischen und den römischen Mars, Kopenhagen, 1940, стр. 90 сл.

¹³ См. об этом подробнее в интересной, во многом сохраняющей свое значение и сейчас книге Ю. Кулаковского, К вопросу о начале Рима, Киев, 1882, стр. 95 сл.

¹⁴ J. V e l o c h, Römische Geschichte, Berl. и Lpz., 1926, стр. 179 сл.

всего обрядом трупоположения, особенно пепким в умбро-сабелльской части Италии, имеется ряд прямых свидетельств проникновения в Лаций культурных явлений, характерных для сабинской территории. Наиболее показательна в этом отношении известная находка на римском форуме захоронений в деревянных колодах — обряд погребения, засвидетельствованный также в Габиях, Вейях и Фалериях — везде лишь в незначительном числе. Могилы эти в долине р. Тибра служат признаком сабинского проникновения, ибо на территории сабелльских племен этот способ захоронения не редкость¹⁵. Повторяющие форму деревянных колод форума терракотовые гробницы, найденные на Квиринале¹⁶, наряду с длинным рядом легендарных и культовых данных, свидетельствуют о значении этого холма в качестве средоточия сабинского элемента¹⁷, о чем речь еще будет идти в несколько другой связи ниже.

Поселения на Палатине и Эсквилине являлись, вероятно, с изначальных времен укрепленными. Предположение это подтверждается не только легендой об оборонительной стене Ромула, через которую перескочил Рем, и не только традиционными представлениями о *Roma quadrata* (упоминается впервые у Энния, *Festus*, s. v.) и о *murus terreus Carinaeum*, остатки которой видел еще Варрон (*de l. l.*, V, 48) на *mons Cispius* на Эсквилине, но прежде всего тем фактом, что все расположенные на высоких холмах поселения эпохи Вилланова имели земляные вперемежку с камнем укрепления, наблюдаемые также в Конке, в Чези, в земле фалисков и в некоторых пунктах Этрурии¹⁸. Укрепление, названное *murus terreus Carinaeum*, служило убежищем для жителей соседнего с Палатином Эсквилина, археологические остатки которого хотя и несколько моложе древнейших погребений форума, но по своему характеру составляют с ним одно культурное целое.

Наидревнейшим типом итальянского укрепленного поселения являются классические родовые поселения на террамарах. Поселения эпохи Вилланова, генетически связанные с террамарами, не являющиеся уже поселениями одной родовой общины, но конгломерата распадающихся и стремящихся к синойкизму родов, имели укрепленные пункты (убежища), занимавшие лишь часть заселенной территории. И как раз на примере древнейшего Рима можно убедиться в живучести традиции, связывающей поселения на террамарах с позднейшими поселениями на холмах¹⁹.

¹⁵ D u h n, ук. соч., стр. 459 сл.; S c o t t, ук. соч., стр. 43.

¹⁶ S c o t t, ук. соч., стр. 43.

¹⁷ Подтверждением наличия на Квиринале и Эсквилине сабинян считали до недавнего времени также и преобладание в находимых здесь могилах обряда трупоположения над трупосожжением, якобы засвидетельствованное раскопками. Однако К. Кромер в указанной выше работе показал, что это наблюдение основано на недостаточно точном описании погребений в старых археологических отчетах. Многие из трупоположений, по его мнению, несомненные трупосожжения. Это во всяком случае свидетельствует лишний раз о значительном смещении обоих обрядов погребения в Средней Италии в эту эпоху.

¹⁸ P. D u s a t i, *Storia del arte etrusca*, Firenze, 1927, т. I, стр. 70 сл.

¹⁹ Как известно, именно террамара является прообразом позднейшего римско-этруского поселения, с его обязательной по принципу *templum*'а планировкой (см. H. Nissen, *Templum*, Berlin, 1869, стр. 3 сл.). В латинском обозначении жреца — *pontifex* живет представление об устройтеле того деревянного настила (*pons*), на котором строилась террамара (см. D u h n, ук. соч., стр. 117); наконец, в самом имени Палатина (*Palatium*, *Palatium*) заключается указание на связь с сооружением жилищ, поставленных на деревянных кольях (итальянское *palafitta*, немецкое *Pfahlbau*, см. об этом у E. N o r d e n, *Altgermanien*, Lpz., 1934, стр. 104 сл.). На то, что древнейшие укрепления Рима стремились воспроизвести форму террамары, указывает, может быть, также и уже упоминавшийся эпитет *Roma quadrata*. Совсем недавно А. И. Непировский в статье «Италийские племена II тысячелетия до н. э.» (ВДИ, 1957, № 4, стр. 192 сл.) отверг какое бы то ни было значение террамар для возникновения древне-

Древнейшее поселение на Палатине и Эсквiline получило в науке наименование Септимонтия (Septimontium — Семигорье). Римская историческая традиция не сохранила никаких прямых свидетельств о существовании на месте Рима общины под таким названием, ни об ее политических установлениях. В связи с этим некоторые историки склонны считать Септимонтий «порождением фантазии археологов»²⁰. Однако целый ряд косвенных соображений и прежде всего перечисление Фестом кварталов Рима, принимавших участие в празднестве «Семигорья», а также ходовое в древности понятие *montani*, прилагавшееся к жителям Палатина, Гермала и Опшия²¹, перечисление и расположение аргейских святилищ (*sacella argeorum*)²² и, наконец, топография культов, засвидетельствованных в древнейших римских фастах, заставляют принять Септимонтий как реальный исторический этап в развитии города Рима, как первую форму его политической организации. Цитирующий Антистия Лабона Фест (s. v. Septimontium) перечисляет следующие названия частей города, составлявших Септимонтий: Палатин, Велля, Фагугал, Субура, Гермал, Опшия, Целия и Циспия. Так как названий не семь, а восемь, современные историки — топографы Рима предлагают не считать в числе холмов Субуру — наименование, прилагавшееся к долине между Фагугалом и Виминалом²³. В общем же все названные части города как раз оказываются на территории Палатина и Эсквiline.

Время существования Септимонтия может быть определено только приблизительно: от эпохи заселения Эсквiline (предполагая, что на Палатине могло существовать более древнее поселение), относимой обычно к концу VIII — началу VII вв. до н. э. и до включения в городскую черту Квиринала и Капитолия, совершившегося лишь по прекращении захоронений на форуме (что произошло не ранее конца VII в. до н. э.)²⁴. Археологические находки, прежде всего могильные инвентари римских некро-

италийских укрепленных поселений (в частности, поселений на сваях), утверждая, что техника свайных построек не имеет с террамарами ничего общего и ссылаясь при этом на работы Г. Зеффлунда. Последний, однако, не заявляет ничего подобного там, где речь идет о несомненных свайных поселениях на террамарах (Кастине деи Маркези и Кастелляццо ди Фонтанеллато, см. G. S ä f l u n d, *Le Terramare*, Lund, 1939, стр. 87 сл.). Известны также и укрепленные террамары (там же, стр. 220 сл.), равно как и несомненно огромное влияние культуры террамар в Италии в эпоху поздней бронзы, в особенности в Умбрии, а также в Апулии и Лукании, вызвавшее к жизни аналогичные террамарам культурные явления как в смысле обряда погребения и погребального инвентаря (Пьянелло, Тиммари, Скольо дель Тонно и др.), так и в отношении свайной техники (грот Пертоза близ Салерно и родственные ему обиталища). Следует добавить, что недавними исследованиями доказано береговое положение также и классических швейцарских свайных поселений, считавшихся ранее озерными (см. E. V o g t, *Pfahlbaustudien*, Schaffhausen, 1954). Э. Форт вообще отрицает существование в Европе древних озерных поселений. Факты эти проливают определенный свет на происхождение италийских террамар.

²⁰ H. G r a f f u n d e r, RE, s. v. Rom, т. I, 2-te Reihe, стб. 1018.

²¹ Th. M o m m s e n, Römische Staatsrecht, т. III, Lpz., 1887, стр. 114 сл.

²² M o m m s e n, Römische Staatsrecht, III, стр. 127.

²³ По мнению G. W i s s o w a, *Septimontium und Subura*. *Gesammelte Abhandlungen*, Münch., 1904, стр. 247, древнейшая Субура соответствует части холма Целия.

²⁴ Контрольные раскопки Гьерстада (E. G j e r s t a d, *Early Rome*, I, 1953, стр. 73) показали, что первая мостовая на форуме может быть датирована приблизительно 575 г. до н. э. Однако к более раннему времени (вторая половина VII — начало VI вв. до н. э.) относятся, по его мнению, остатки землянок, аналогичных найденным в Гермале на Палатине раскопками 1947—1948 гг. и датированных Пульизи временем после середины VIII в. до н. э. (S. M. P u g l i s i, *Huts on the Palatine Hill*, «Antiquity», 1950, № 95, стр. 119 сл. Ср. A. W o t s c h i t z k y, *Topographie von Rom*, вып. 1, часть II, «Anzeiger für Altertumswissenschaft», X, 1957, Heft 1, стр. 9 сл.).

полей, показывают, что Септимонтий находился, подобно его транситбернским соседям — этрусским общинам, в сфере греко-финикийской торговли. Могилы форума содержат позднегеометрическую и протокоринфскую керамику, изделия из стеклянной пасты и образцы раннеэтрусской керамической и металлической продукции. Они свидетельствуют также и о начале местного латинского ремесла.

К сожалению, археологические остатки не дают почти ничего, что позволяло бы судить о политической организации Септимонтия и послужило бы для контроля противоречивой и сбивчивой традиции, касающейся эпохи первых четырех римских царей, традиционные годы царствования которых падают на время существования Септимонтия. В изображении некоторых новейших историков Септимонтий превращается в лигу (добровольное объединение) отдельных поселений²⁵, наподобие лиги латинских и этрусских городов — политических объединений, представляющих собой начальный этап италийской государственности, но относящихся к несколько более позднему, чем Септимонтий, времени. Вряд ли такое одновременное (добровольное или навязанное) объединение имело место в действительности.

И традиция и рассмотренные выше археологические данные говорят о постепенном росте поселения на холмах Рима. В самом имени Эсквилина звучит представление о том, что эта часть Септимонтия рассматривалась некогда как поселение, находящееся вне городской (обороняемой или охраняемой священными установлениями) черты, как выселки, свидетельствующие о постепенном расширении территории поселения²⁶.

Рост его осуществлялся не только увеличением коренного населения, но и за счет наплыва извне — из-за Тибра, из Этрурии и с предгорий Апеннин, из Сабинь. Об этом непрерываемо свидетельствуют археологические находки и лингвистические данные. Свидетельствует об этом не менее отчетливо и относящееся к глубокой древности разделение граждан на патрициев и плебеев, произошедшее, видимо, именно по признаку принадлежности к числу родов, почитавших себя автохтонными и составляющих основное ядро поселения. Не менее красноречив в этом отношении и институт клиентелы — формы социального устройства чужеродных элементов, становившихся под защиту коренного полноправного населения²⁷. Древнейшим памятником административного деления Септимонтия являются три первоначальные трибы, объединявшие коренных жителей, возможно, не только по территориально-общинному, но и по этническому признаку. Рамны, тации и лудеры упорно связываются преданием с теми этническими группами, которые, по общему голосу древних свидетельств, составили первоначальное римское население²⁸.

О сабинском элементе в древнейшем Риме говорилось уже немало. Необходимо лишь добавить, что значительным сабинским очагом было поселение на Квиринале, начало которого датируется позднейшими могилами форума. По единодушному голосу древних свидетельств, Квиринал существовал в эпоху Септимонтия как отдельная и самостоятельная община, будучи включен в городскую черту лишь в середине VI в. до н. э., при царе Сервии Туллии. Многочисленные следы, в особенности в культовой практике (наличие *Capitolium vetus* на Квиринале, наличие двух коллегий салиев и двух коллегий луперков — древнейших жреческих коллегий, связанных с культом Марса-Квирина и др.), относятся к эпохе самостоятельности Квиринала, где жил, по

²⁵ Н о м о, *L'Italie primitive*, стр. 105 сл.

²⁶ Т. М о м з е н, *Римская история*, т. I, стр. 45, изд. СПб., 1877.

²⁷ Сложные вопросы, связанные с возникновением древнеримских сословий, не могут быть в данной связи рассмотрены более подробно. См. P. de F r a n c i s c i, *La comunità sociale e politica romana primitiva*, «Relazioni del X Congresso Intern. di Scienze Storiche», т. II. *Storia dell'Antichità*, Firenze, 1955, стр. 155 сл., где указана и некоторая литература. Ср. также С. Л. У т ч е н к о, Происхождение плебейской организации, ВДИ, 1947, № 1, стр. 123 сл.

²⁸ С i e r o, *De republ.*, II, 8, 14; см. также G. D u m e z i l, *Jupiter, Mars, Quirinus*, P., 1941, стр. 129.

преданию, царь Тит Таций, правивший сабинянами Квиринала и Капитолия (Dion. Hal., II, 50), родовое имя которого звучит в наименовании трибы тациев.

О культурном и этническом значении этрусков для древнего Рима речь будет идти в другой связи, пока же следует указать, что археологические находки, начиная с древнейшего периода, свидетельствуют о все более усиливавшемся проникновении этрусков на римскую территорию. Свидетельством этого, помимо предметов этрусского происхождения в древнейших могилах форума и Эсквилина, является пока единичная, наполненная этрусским вооружением могила на Эсквилине, с богатым инвентарем типа древнейших этрусских *tomba del Guerriero* в Тарквиниях и *tomba del Duce* в Ветулонии, относящихся к первой половине VII в. до н. э.²⁹ К несколько более позднему времени относятся этрусские могилы, открытые в 1922 г. на Monte Mario (Colle di Sant'Agata), где, помимо погребений, были найдены основания квадратных хижинок, представляющих шаг вперед по сравнению с жилой архитектурой типа Вилланова, засвидетельствованной также и для древнего Лация³⁰.

Упомянутое погребение с богатым этрусским вооружением бросает некоторый свет на социально-политические отношения древнего Септимонтия. Приведенные выше названия древнейших триб, так же как и названия составляющих Септимонтий холмов, представляют собой имена населявших их древнеримских родов. Однако роды эти в эпоху создания латинского племени и во время возникновения Рима были уже совершенно не те, что классические родовые общины эпохи террамар. Под влиянием частнособственнических отношений и возрастающего количества вливавшихся извне элементов — клиентов и рабов — роды распадались на «большие семьи», связанные между собой, помимо общего *nomen gentile*, общинным землепользованием, представительством в сенате и родовыми религиозными культурами. Практически связь эта была, вероятно, в значительной степени эфемерной. Совет родовых старейшин (сенат), хотя и фигурирует в преданиях, относящихся ко времени Септимонтия, но все политические установления и нововведения приписываются царям, опиравшимся на силу военной дружины, вождям, державшим в своих руках городское укрепление.

Дружина, равно как и ее вожди, была чуждого, транситберинского происхождения из передовой для той эпохи в культурном и военном отношении Этрурии, факт, получивший отражение в предании о Целии Вибенне — этрусском кондотьере, на силу которого будто бы опирается Ромул и с чьим именем связано название одного из холмов Септимонтия. Упомянутая богатая с этрусским вооружением могила на Эсквилине не может не быть поставлена в связь с этим преданием, тем более, что указанная легенда получила неожиданный акцент благодаря связи ее этрусской версии с именем Мастарны и Гнея Тарквиния. Эти имена стали известны из раскопок знаменитой могилы Франсуа в Вульчи, относящейся к IV в. до н. э.³¹

Рим возник близ одной из немногочисленных среднеиталийских гаваней, удобных для древнего мореплавания. Устье Тибра, кроме того, было очень важным пунктом добычи соли, которая по *via salaria* направлялась затем внутрь страны. Салины в древнейшую эпоху имели важное значение в римской экономике — это явствует из частых упоминаний о них у Ливия и о борьбе, ведшейся из-за них с северными соседями. Как и некоторые другие латинские города, Рим играл немаловажную роль в посреднической торговле с Кумами и с кампанской Этрурией. Только в связи с этой его ролью могут быть поняты наиболее значительные внешнеполитические события в истории Средней Италии второй половины VI в. до н. э., втянутой в борьбу греческих Кум с Этрурией.

Мы, однако, забежали вперед. Вернемся к Септимонтию, в VII столетие, когда указанные выше обстоятельства были еще в зародыше. Именно растущая торговля и раз-

²⁹ D u h n, ук. соч., стр. 472 сл.

³⁰ S c o t t, ук. соч., стр. 69.

³¹ См. В. N o g a r a, *Gli etruschi e la loro civiltà*, Milano, 1936, стр. 360 сл.; а также Р. D u c a t i, *La pittura etrusca e ellenistico-romana*, Novara, 1942, табл. 29 и 31.

вивающееся ремесло служили опорой для власти царя, осуществлявшего через свою дружину принцип военной демократии, состоявший в поддержке и организации прогрессивных (и агрессивных) торговых и ремесленных элементов, при оппозиции со стороны аристократической (патрицианской) части общины и связанных с ней системой кллиентелы бесправных чужеродных элементов.

О ходе этой борьбы между земледельческой родовой знатю и торгово-ремесленными элементами, происходившими к тому же по большей части из плебейской среды, за отсутствием исторических данных, позволяют судить лишь аналогии в развитии греческих торгово-ремесленных полисов, шедшем тем же самым путем, да местные легенды об основании города и о его первых царях. Не имея возможности вдаваться в подробности, укажем лишь хотя бы на то, что самые имена трех из семи древнеримских царей плебейские, а не патрицианские.

Ю. Белох, например, видит в этом только лишний аргумент в пользу исторической несостоятельности легенд о римских царях, ибо он не представляет себе, как это древнеримский царь мог быть плебейского происхождения³². Однако — и это было уже очень давно подмечено русским исследователем Д. Л. Крюковым³³ — именно в легендах о римских царях содержится ясная тенденция представить их происхождение в сомнительном свете, с явным намерением унизить их этим — тенденция, приписываемая Крюковым действию оппозиционной патрицианской идеологии. Кроме того, поскольку в преданиях о римских царях, несомненно, немало чисто легендарных черт, не было бы ничего удивительного в том, что по крайней мере часть этих легенд возникла не в исконно римской патрицианской среде, а среди пришлого плебейского населения, значительная доля которого, судя по плебейским *nomina gentilitia*, удерживала, подобно патрициям, элементы патриархально-родовой организации. Крюков предполагал (основываясь отчасти на прослеживающихся в преданиях намеках на столкновения патрицианских и плебейских интересов уже и в то отдаленное время), что эти идеологические расхождения могут быть распространены на всю область древнеримских религиозных верований. По его мнению, божества и связанный с ними ритуал, привнесенные в римскую религию извне, в частности, из Этрурии, явились в результате активности плебейской идеологии — теория явно ошибочная и однобокая, но, несомненно, ценная и в части, устанавливающей социально-историческую точку зрения на древнеримскую легендарную традицию. Результаты исследований Крюкова были позднее использованы и развиты другим русским ученым — И. В. Нетушилом в его специальных статьях и прекрасном обобщающем «Обзоре римской истории»³⁴.

Что же касается самих легенд о древнейших царях Рима, равно как и о еще более древних царях Альбы Лонги, то в историческом отношении всего важнее их связь с культами родовых предков. Подобно тому как Сатурн, Янус и Фавн были родовыми богами-царями, представления о которых теснейшим образом связаны с легендой о «золотом веке», основанной на реминисценциях об общинно-родовом быте, лишенном социальных противоречий, точно так же и Ромул принадлежит к кругу вышедшего из родового культа божества Марса, связан с ним легендой о своем рождении и идентифицируется с ним в целом ряде посвященных надписей³⁵. Фигуру, в неменьшей степени связанную с культом родовых божеств и специально с традицией о происхождении римского жречества, представляет собой второй по счету древнеримский царь — Нума Помпилий³⁶.

Значительно более реалистическими чертами обладают последние три царя так

³² В е л о х, ук. соч., стр. 225.

³³ «Мысли о первоначальном различии патрициев и плебеев», «Прописки», IV, М., 1856, стр. 5 сл.

³⁴ И. В. Н е т у ш и л, Обзор римской истории, Харьков, 1916, стр. 11 и сл.

³⁵ Н е г м а н с е н, ук. соч., стр. 160 сл., а также «Jahrbücher der deutschen Archäologischen Instituts, 1941, A. A. стр. 497.

³⁶ E. P a i s, Storia di Roma, I, 1, Torino, 1899, стр. 228 сл.

называемой этрусской династии. Если некоторые черты в портретах их легендарных предшественников заставляют угадывать сходство с древнейшими представителями греческой тирании, то оба Тарквиния и Сервий Туллий являют собой несомненную коию подобных правителей. Начиная с Нибура, VI столетие изображается историками (за исключением резко протестующего Моммзена) как эпоха этрусского владычества над Римом, чье иго римлянам в конце концов удастся сбросить. В действительности же дело обстояло, по-видимому, совершенно иначе и далеко не так просто.

Мы уже не раз по ходу изложения сталкивались с фактами проникновения этрусских культурных и этнических элементов на латинскую территорию. Древнейшие признаки этрусского влияния относятся не позднее, чем к началу VII в. до н.э., и на протяжении его процесс «этрускизации» Лация и латинской культуры шел полным ходом. По общему признанию, в VI в. до н.э. Рим был «этрусским городом». Этрусским не только в том смысле, что он получал предметы этрусского производства и пользовался услугами этрусских ремесленников. Археологические находки во все большем объеме показывают, что вся римская техника и все прикладное искусство были на этрусский образец. И не только это. Еще в начале нашего века Е. Шульце в очень важной для истории начального Рима работе «О латинских собственных именах»³⁷ показал, что многие имена латинских божеств, в том числе главнейших, каковы Марс, Юнона, Сатурн, Минерва, — этрусского происхождения. Лар — божество, являющееся объектом древнейшего в Риме культа предков — этрусское слово, связанное с понятием *larŋ* — вождь, господин. Обозначение целого ряда римских социальных, государственных и религиозных установлений — этрусские. Упомянувшиеся выше названия древнейших римских триб происходят от этрусских родовых имен и образованы на этрусский манер. Наконец, самое имя города Roma-Ruma также этрусское, связано с родовым именем *Rumilii* и придано Риму не ранее конца VII — начала VI в. до н.э. Этрусское происхождение рода Тарквиниев подтверждается не только аналогией их имени с названием крупнейшего этрусского города и его легендарного основателя, но и фамильной гробницей Тарквиниев в городе Цере, открытой в 1846 г. В Риме все более умножается число находок этрусских надписей, свидетельствующих о том, что в древнем городе не только говорили, но и писали по-этруски. Знатные римляне посылали своих детей для получения образования в Этрурию. Наличие в Риме этрусского квартала (*vicus tuscus*) говорит о присутствии значительного числа этрусских ремесленников, торговцев, актеров и т. д. в Риме эпохи царей^{37а}.

И, однако, несмотря на все эти обстоятельства, примечателен странный факт отсутствия богатых, по этрусскому образцу совершенных погребений, типа открытых в других местах Лация — в Пренесте и Тиволи (особенно знамениты *tombe Bernardini* и *Barberini* в Пренесте, относящиеся ко второй половине VII в. до н.э.). Примечательно соответствие всего частного быта с теми строгими правилами, какие выражены в законодательстве XII таблиц и в произведениях римских писателей вплоть до I в. до н.э. Эти правила совершенно противоречат этрусскому грецизированному идеалу, ярко представленному содержимым богатых погребальных камер Этрурии и живописью на стенах этих камер. Быт римлян, подчиненный спартанской морали и дисциплине, выработанный в недрах родовой общины и усвоенный патрицианской семьей, отличается коренным образом от быта не только этрусков, но и остальных латинян, лишенных строгой военной организации, которая при всех прочих условиях, несомненно, сыграла немалую роль в деле возвышения Рима сначала в Лации, а затем и в Италии. К тому же многие явления из области материального и духовного быта, названные нами выше этрусскими, при ближайшем рассмотрении оказываются в основе своей общелатинскими и лишь в Этрурии получившими наиболее раннее и полное развитие,

³⁷ E. S c h u l z e, Zur Geschichte der lateinischen Eigennamen, Göttingen, 1903.

^{37а} Более подробно см. Н. Н. Залесский, Этруски в Риме, «Научные доклады высшей школы, Пет. науки», 4, 1958, стр. 97 сл.

Основы того, что характеризует этрусскую культуру и искусство, этрусскую государственность и религию, вплоть до имен отдельных божеств, встречаем мы и у других племен средней Италии³⁸.

Пышное развитие этрусской культуры произошло в результате восприятия культуры архаической Греции и ближнего Востока на почве интенсивной торговли, бурного развития ремесла и прикладного искусства. Этрусская культура распространилась тонким слоем по довольно значительной части Апеннинского полуострова — по территории, вовлеченной в орбиту греко-финикийской торговли, предметом которой был севериталийский металл (этруская и сардинская медь и железо о. Эльбы). Этрурия довольно быстро и своеобразно восприняла греческую культуру и технику, и этрусское искусство стало конкурировать с греческим на итальянской почве. Этруская экспансия была широка, но политически слабосильна и недальновидна. Она осуществлялась отдельными торгово-ремесленными центрами, не имевшими сколь-нибудь прочного политического объединения. Поверхностное восприятие этрусской культуры выразилось и в том, что она охватила разнородные в этническом отношении области, которые оказались в очень небольшой степени подвергнуты «этрускизации». Так, захваченные этрусками в VII в. до н. э. Фалерии, входя в состав этрусской федерации, до III в. до н. э. сохранили латинский диалект и близкую латинской, но своеобразную и весьма жизнеспособную культуру, оказывавшую, как было отмечено ранее, свое влияние на Лацию и южную Этрурию. Вейи — исконно этрусский центр, один из крупнейших и влиятельнейших в отношении ремесла и искусства, не дал почти из одной этрусской надписи, оставаясь, стало быть, также до какой-то степени в стороне от этрусской духовной культуры³⁹.

В VII—VI вв. до н. э. этруская культура и торговля господствовали в Кампании и в Лации. Без преувеличения можно сказать, что Этрурия, в том смысле, как это было только что показано, поглотила Лацию, соседних с латинянами рутулов (считавшихся к тому же племенем этрусского происхождения) и населявших Кампанию опиков или осков. Итальянские греки, а через них и греческие логографы и поэты, сначала не различали в средней Италии отдельных племен — для них это все были тиррены (т. е. этрусски). Первая попытка с греческой стороны осмыслить политико-этнографические отношения в Средней Италии заключается для нас в словах Геснода (Theog., 1011), глашатай, что тирренами правят царь Латин и Агрый, сыновья Одиссея и Кирки.

Непререкаемым, при всей силе этрусского влияния в Лации, остается факт огромной жизнеспособности и самостоятельности латинской культуры, нашедшей свое наиболее яркое выражение в латинской письменности, возникшей из греческого алфавита, пришедшего в Лацию, вернее всего — из греческих Кум, по проложенным этрусками путям и через их посредство⁴⁰. Выработанный в Лации по этрусскому образцу алфавит усвоили также с незначительной модификацией фалиски⁴¹. И если царь этрусской династии являлись проводниками этрусской культуры, то это происходило, вероятно, отнюдь не в порядке их проэтрусской политики. Да такой политики в строгом смысле слова, собственно, и не могло быть ввиду отсутствия прочного этрусского государства. В отношении материальной культуры Рим шел по путям Этрурии, в отношении же государственности римская община содержала в зародыше организацию такой силы и устойчивости, о которой децентрализованные этрусски, культурно и этнически разнородные, не могли и мечтать.

Городом (urbs) Рим стал только в эпоху этрусской династии. Выразилось это прежде всего в присоединении Квиринала, подчиненного, несомненно, уже и раньше римской

³⁸ См. F. A l t h e i m, *Römische Religionsgeschichte*, Berl. u. Lpz., 1931, I, стр. 38.

³⁹ См. L. R o s s - T a y l o r, *The Local Cults of Etruria*, Rome, 1923, стр. 9 сл.

⁴⁰ Вопрос о путях проникновения греческой письменности в Италию, возможно, потребует известного пересмотра в связи с находками граффити на сосудах (как импортных, так и местного происхождения) с Липарских островов (см. «*Minos*», II, 1952, стр. 5 сл.), близких к знакам древнего критского письма.

⁴¹ R h. C a r p e n t e r, *The Alphabet in Italy*, *AJA*, XLIX (1945), № 4, стр. 452

общине, но не входившего в ее состав. Это повлекло за собой перемены в административном делении. Наряду с тремя древними трибами было произведено деление по чисто территориальному признаку: город был разделен на четыре района (*quattuor regiones: Palatina, Esquilina, Collina* и *Suburana*). Утверждение территориального принципа в новом делении на трибы явилось шагом вперед в борьбе государственных тенденций с патриархально-родовыми. Новые трибы, несомненно, включили в себя многих новых жителей Рима, оставшихся за пределами трех древнейших триб. Это нововведение может быть рассматриваемо как существенный этап на пути возникновения римского государства. Следующим шагом было установление имущественного ценза при организации войска — важнейшее мероприятие, связанное традицией с именем Сервия Туллия. Оно во всяком случае относится к царской эпохе, предполагает значительное развитие частной собственности и ее широкое распространение⁴².

Присоединение Квиринала могло произойти лишь по осушению территории форума и по прекращении использования его как некрополя, что имело место, как мы уже знаем, на рубеже VII и VI вв. до н. э. Дренажные работы, необходимые для осушения болотистого форума, могли быть произведены, вероятно, лишь по ознакомлении римлян с этрусской дренажной техникой, и, может быть, под руководством этрусских мастеров, подобно тому как первые монументальные сооружения Рима и их украшение производились этрусскими архитекторами и коропами (Plin., NH, XXVIII, 16). Дренажные сооружения форума послужили основой для устройства несколько более поздней *cloaca maxima*.

Присоединение Квиринала произошло, вероятно, еще в начале VI в. до н. э., так как традиция приписывает царю Сервию Туллию возведение каменной оборонительной стены, заключавшей в себе также и Квиринал. Традиционные данные о времени постройки Сервиевой стены считались в недавнем прошлом ошибочными. Техника кладки и наличие внутри стен поздних погребений, вопреки категорическому запрету, по законам XII Таблиц (табл. X, 1; *hominem mortuum in urbe neve sepelito neve urito*) заставили относить сохранившиеся части стены к IV в. до н. э., именно ко времени после галльского нашествия⁴³. Однако исследования, произведенные в новейшее время, показали, что небольшая часть сохранившейся «Сервиевой стены» принадлежит, судя по материалу и кладке, ко времени, значительно более раннему, нежели остальная стена, сложенная из вейентского туфа, добытого, очевидно, из разрушенных вейентских укреплений, после 396 г. до н. э.⁴⁴

Древнейшая же стена оказалась выстроенной из блоков меньшего размера, материалом для которых послужила местная порода известняка, именуемая *caprellacio*. Материал этого рода засвидетельствован в сооружениях дореспубликанского периода, в частности, в подии храма Юпитера Капитолийского. Таким образом, древнейшую каменную стену Рима необходимо датировать VI в. до н. э. и в этом случае также признать историчность традиционных сообщений. Что же касается более поздних захоронений внутри померия, то они объясняются отчасти тем, что подобные случаи все-таки, очевидно, бывали, несмотря на запрещение законов XII Таблиц. Этим только и можно объяснить возобновление запретительного закона в 336 г. до н. э. (Serv., ad Aen., XI, 206). Наличие позднейших погребений может объясняться также и тем, что стена IV в. отклоняется в некоторых местах, как это установлено археологическими наблюдениями, от линии древнейшей обороны города⁴⁵.

⁴² Ср. P. de Francisci, ук. соч., стр. 163 сл.

⁴³ Velosch, ук. соч., стр. 206.

⁴⁴ Scott, ук. соч., стр. 82 и 104.

⁴⁵ Scott, ук. соч., стр. 89; ср. у А. Геркана (Gerkан, ук. соч., стр. 97); на основании находок фрагментов аттической керамики V в. до н. э., сделанных ниже уровня части древнейшей стены, он отрицает наличие сплошной оборонительной стены вокруг Рима в царскую эпоху. В то же время он возражает против отнесения стены к IV в. до н. э.

Рим конца царского периода превратился в один из самых больших городов древней Италии. Пословом Дионисия Галикарнасского (IV, 13), Рим эпохи Сервиевой стены приблизительно равнялся Афинам V в. до н. э., имея в окружности около 12 км. Из итальянских городов того времени по размерам к Риму приближались лишь некоторые этрусские общины — Цере и Тарквинии, превосходили же его, вероятно, одни лишь Вейи. Сколь ни спорны размеры римской территории в конце царского периода, несомненно, однако, что граница *ager Romanus* к этому времени отодвинулась от Рима на 15—20 км, тогда как в эпоху Септимиция она проходила не более чем в 5—6 км от города⁴⁶.

Увеличение римской территории оказалось роковым для царской власти, опиравшейся на торговые и ремесленные элементы. Увеличение территории усилило земледельческо-патрицианскую часть общины, поспешившую покончить с военной демократией и оказавшуюся в силах противопоставить себя этрусскому миру, нуждавшемуся в торговых путях через Лаций.

Однако отказ от «этрусского» пути развития вызвал в Риме жесточайший кризис и застой в материальном быту, прослеживающийся как нельзя более наглядно на материале некрополя V в. до н. э., почти совершенно лишенном датируемых импортных предметов⁴⁷. При всей спорности данных римской анналистики относительно количества римского населения в раннереспубликанскую эпоху, обращает на себя внимание отмечаящееся резкое сокращение населения, вызванное прекращением заморской и этрусской торговли. Убыль, приблизительно в размере $\frac{1}{4}$ к общему числу жителей, произошла за счет пришлого и неземледельческого населения⁴⁸. Лишь постепенно и медленно восстанавливал Рим связи с внешним миром и прежде всего с греческим Югом, разорванные им в результате импульсивной и резкой реакции на культурную и социальную «этрускизацию».

Значительные строительные работы, производившиеся в Риме VI в. до н. э., были бы немислимы без достаточного количества рабов. Постройка Сервиевой стены, храмов, осушительных и водопроводных сооружений предполагает наличие определенного контингента людей, занятых в каменоломнях и на земляных работах, — область труда, питавшаяся в древности единственно за счет силы рабов. Несомненно, что рабский труд применялся и в сельском хозяйстве и в ремесле. При этом формы рабства в архаическую эпоху были весьма патриархальны: рабы находили себе определенное место в роде и в семье, о чем, за отсутствием прямых данных, свидетельствуют культовые обычаи и легенды. О значении рабского элемента в Лации в эпоху возникновения Рима говорит достаточно красноречиво сама легенда об основании города. Настойчивые сообщения древних авторов о священном убежище для рабов и всякого рода других беглых и безродных людей, открытом будто бы Ромулом на Капитолии *inter duos lucos* (Liv, I, 8, 5), считалось в новейшей науке неисторичным, надуманным и заимствованным из греческих источников⁴⁹.

Между тем в свете данных об общеталийской религии Марса, полученных в результате более поздних исследований⁵⁰, связывающих представление о Марсе с распространенными в древнем Средиземноморье «волчьими» божествами, возникшими из тотемического культа, в свете этих данных имя бога капитолийского азиля — *Lucoris* (от греческого эпитета Зевса и Аполлона *Λυκωρέϊς* — покровителя беглецов) звучит уже вовсе не столь исторически сомнительно⁵¹. Такое убежище для беглых элементов, прежде всего для рабов, вполне совместимо не только с древнегреческими установлени-

⁴⁶ H. L a s t, САН, т. VII, 1928, стр. 403 сл.

⁴⁷ J. E. S c o t t-R y b e r g, An Archaeological Record of Rome, I, 1929, стр. 93 сл.

⁴⁸ T. F r a n k, An Economic Survey of Ancient Rome, Baltimore, 1926, I, стр. 5 сл.

⁴⁹ A. S c h w e g l e r, Römische Geschichte, I, 1, Tübing., 1856, стр. 464.

⁵⁰ H e r m a n s e n, ук. соч., стр. 95.

⁵¹ F. A l t h e i m, ук. соч., стр. 52 сл.; а так же E. T a b e l i n g, Mater Larum, Frankf. am M., 1932, стр. 66; о происхождении Рима из азиля в борьбе с родовыми установлениями см. также у G. C a r d i n a l i, Le origini di Roma, Roma, 1949, стр. 16.

ями о храмовых убежищах, но и с древнейшими италийскими обычаями, освященными религией божеств плодородия, предоставлявшими рабам и изгоям право убежища на новых местах поселения. Это право основано на тех же представлениях, что и древнеримское право гостеприимства и клиентелы.

Домашние рабы в Италии начала I тысячелетия до н. э. играли большую роль в родовом культе, что опять-таки является прямым отголоском патриархально-рабовладельческих отношений. Попечение о культе «домашнего Лара» (*Lar familiaris*) лежало всецело на домашних рабах, а в качестве жреца выступал домоправитель из рабов. Компиталии — праздник в честь сельских ларов (*Lares compitales*) и родственные во многом Компиталиям Сатурналии были празднествами рабов по преимуществу, как и некоторые другие греческие и римские празднества, связанные с древнейшими родовыми божествами плодородия⁵². Подобные религиозные представления нашли свое отражение и в легенде о царе Сервии Туллии, по преданию сыне рабыни, учредителе Компиталий и устроителе храма Дианы на Авентине; последний, вероятно, служил в древности убежищем для беглых рабов, ибо день празднования его основания считался *servorum dies festus*. На праздновании Ларенталий — празднике в честь духов умерших предков, жрецами приносились специальная жертва манам умерших рабов (*Varro, de l. l., VI, 23*). Эта тесная связь рабов с культом ларов и другими родовыми культами, определявшаяся патриархально-рабовладельческими отношениями, была одной из причин возникновения легенды о «золотом веке» как позднейшей идеализации патриархальных общественных отношений эпохи общинно-родового строя, окрасившей собой проявления революционной идеологии низов римского общества последних десятилетий республики и времен империи.

В заключение необходимо подчеркнуть еще раз, что археологические данные, по мере их изучения, дают все больше и больше для критики скудной и в значительной степени искаженной поздними толкованиями древнейшей традиции о первых столетиях Рима. «Этрусский период» в истории Рима совпал с первыми шагами его государственности, укреплению которой немало способствовали выработанные этрусками политические и общекультурные нормы. Лет двадцать—тридцать назад казалось, что Лаций и латинская культура VII—VI вв. были поглощены этрусками. Постепенно выясняется все более и более, что Рим развивался, преодолевая это этрусское влияние. Дальнейшие исследования должны конкретизировать пока еще довольно смутные отрывочные представления о ходе римской истории в ее начальный период.

Л. А. Ельницкий

БОРЬБА ЗА ЕДИНСТВО РИМСКОЙ ИМПЕРИИ И ЗА ПРЕОБЛАДАНИЕ РИМА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КЛАВДИЯ КЛАВДИАНА

Литературное наследство Клавдиана довольно обширно и значительно по своему содержанию и художественным достоинствам. Произведения Клавдиана получили высокую оценку как современников, так и историков римской литературы. Современники почтили Клавдиана, воздвигнув ему медную статую на форуме Траяна с надписью, в которой поэта сравнивали с Гомером и Вергилием¹. Эта преувеличенная похвала исходила из среды тех, интересы которых защищал Клавдиан, мысли и чувства которых он отражал в своих произведениях. Историки римской литературы считают Клав-

⁵² См. ВДИ, 1946, № 4, стр. 54 сл.

¹ *CIL*, VI, 4710.

диана одним из крупнейших римских поэтов², а некоторые — «последним из великих римских поэтов»³.

Особое значение имеют произведения Клавдиана для истории Поздней Римской империи. Они являются ценным источником для суждения о политических идеях, настроениях и стремлениях господствующих кругов италийского общества в период напряженной политической борьбы между Западом и Востоком империи в 395—404 гг. Наиболее значительные события этого бурного десятилетия описаны Клавдианом как хорошо осведомленным современником и как талантливым поэтом.

Однако описание событий, несмотря на их значение для современников и потомков, являлось не главной задачей творчества Клавдиана. Эти события были для поэта материалом для больших обобщений и выводов политического характера. Почти все значительные произведения Клавдиана насыщены страстью политической борьбы. Его поэзия носит полемический и политический характер. Вичующая сатира и блестящая риторика его стихов соединялись со страстью борца, любовью к Риму и ненавистью к его врагам. Главное достоинство произведений Клавдиана для современников заключалось в том, что его муза была глубоко идейна и политически тенденциозна. Клавдиан сумел классовые интересы определенной части италийского общества облечь в блестящую поэтическую форму и придать им идейный характер.

Клавдиан появился в Риме незадолго до 395 г. Вероятно, он прибыл в Рим вместе с Феодосием I, который в 393 г. был вынужден во главе армии отправиться в Италию для борьбы с узурпатором Евгением⁴. Клавдиан был уроженцем Египта, и Свидетельствует его «Клавдиан александриец»⁵. На литературном горизонте Рима Клавдиан появился в 395 г. как автор панегирика в честь Пробина и Олибрия, избранных в консулы. Панегирик имел большой успех и открыл поэту доступ ко двору, в салоны Милана и Рима.

В сохранившемся фрагменте надписи Клавдиан назван трибуном и нотариусом⁶. Это указывает на то, что он находился на службе империи. При Стилихоне Клавдиан выполнял обязанности секретаря. Эта близость к Стилихону и его окружению оказала большое влияние на творчество Клавдиана. Клавдиан находился в центре политической жизни, и в течение десятилетия (393—404) грек из Александрии был властителем дум части италийского общества и идеологом руководящих политических кругов Рима.

На политическую арену в Риме Клавдиан выступает в конце 395 г. с поэмой «Против Руфина», главы правительства Восточной империи. Задача Клавдиана заключалась в том, чтобы подорвать авторитет и влияние Руфина среди византийской знати. Но основной целью Клавдиана было оправдание политики Стилихона и защита его прав на единое опекунство не только над Гонорием, но и над Аркадием. Клавдиан писал: «Стилихон, твоим заботам поручены и римское могущество, и верховное руководство делами, тебе доверены и военная власть обоих братьев и войска родственных государств»⁷.

² М. М. Покровский, История римской литературы, М., 1942, стр. 377.

³ Г. Буассье, Падение язычества, М., 1892, стр. 397. В последние годы внимание к произведениям Клавдиана заметно возросло, о чем свидетельствует ряд статей, помещенных в журналах по классической филологии, а также отдельные исследования, посвященные литературоведческим и филологическим проблемам в творчестве Клавдиана (см. J. Marouzeau, L'Année philologique, тт. 15—26).

⁴ Cl. Claudiani carmina, Recensuit L. J e r p., Lipsiae, 1876, Praefat., стр. XIII.

⁵ RE, s. v. Claudianus.

⁶ CIL, VI, 1710.

⁷ C l a u d., In Rufin., II, 4—6:

Jamque tuus, Stilio, Romana potentia curis
Et rerum commissus apex, tibi credita fratrum
Utraque maiestas geminaeque exercitus aulae.

Ср. De IV consul. Honor., 430.